

**Д.В. ТРУБИЦЫН**

## **РЕСУРСНЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

---

*ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – кандидат философских наук, доцент Забайкальского государственного университета, Чита (E-mail: dvtrubitsyn@yandex.ru).*

---

**Аннотация.** *Исследуется динамика стран Азии и Северной Африки в период позднего средневековья и нового времени. Показано, что интенсификация возникает при отсутствии экстенсивной экономической стратегии. Сопоставление данных о численности населения, наличии и состоянии земельных ресурсов, результатов социально-экономического развития в этих странах свидетельствует, что стесненность в ресурсах традиционной аграрной экономики – необходимый фактор модернизации. Его отсутствие толкает на путь “вялотекущей модернизации” с характерным замедлением трансформации социальной структуры, хроническим технологическим отставанием, периодическими срывами и откатами к традиционной системе отношений.*

**Ключевые слова:** *традиционная экономика • земельные ресурсы • аграрная стесненность • социально-экономическое развитие • модернизация • интенсификация*

Концепция модернизации, направленная на осмысление процесса формирования индустриального общества, не может оставаться на уровне философии и не затрагивать эмпирические науки. Многие ее положения вызывают критику потому, что не подтверждаются их данными, представляются оторванными от действительности. Мы ставим задачей проверку положения об интенсификации как ключевой тенденции модернизационного процесса, возникающей в результате стесненности в ресурсах при отсутствии возможности осуществления экстенсивной экономической стратегии. Индустриальная рыночная экономика противопоставляется здесь традиционной аграрной как интенсивная экономическая стратегия – экстенсивной.

**Теоретические и идейные основы.** В истории общественных наук есть немало указаний на такое понимание причин и факторов модернизации, начиная с классических философских и политэкономических концепций (К. Маркс, В. Зомбарт) и заканчивая сравнительным изучением цивилизаций (А. Тойнби). Однако ресурсы и территории действуют только в приложении к определенной численности населения. Со ссылкой на Дж. Милля Маркс утверждал о необходимости увеличения плотности населения для повышения производительности труда [Маркс, 1955: 365]. В начале XX в. к данному объяснению причин социально-исторических трансформаций подошли сторонники “демографической” школы: М.М. Ковалевский использовал гипотезу роста населения для объяснения развития европейского общества, высокую плотность населения считал основным фактором роста производительных сил [Ковалевский, 1898–1903; Ковалевский, 2010: 399]. А. Сови писал о позитивных последствиях роста народонаселения в разных странах и посредством демографической динамики объяснял многие факты мировой истории [Сови, 1977]. Во второй половине XX в. сформировалась теория демографических циклов, примененная вскоре к объяснению исторической динамики обществ Востока [Нефедов, 2003]. Однако она представляет для нас ограниченный интерес, т.к. ее сторонники актуализируют отрицательные последствия роста населения: обезземеливание крестьян, рост напряженности, паде-

ние правящих династий. По большому счету это можно сказать обо всем направлении исторической демографии: его представители рассматривают рост народонаселения как в первую очередь дестабилизирующий развитие фактор, а не как ускоряющий, а тем более порождающий его развитие [Goldstone, 1991; Turchin, 2009]. Хотя они и не скрывают, что в условиях демографического кризиса в традиционных обществах развивалась торговля, увеличивалась товарность земледелия и ремесла, росла и укреплялась частная собственность [Нефедов 2005: 53]. В рамках экономической науки положение об интенсификации под влиянием роста населения и недостатка ресурсов было теоретически оформлено во второй половине XX в. Э. Бозеруп доказала, что при определенных условиях рост плотности населения ведет к интенсификации сельского хозяйства, следовательно, не к экономическому упадку и бедности, а к развитию. Она утверждала, что экономического развития не будет, если общество не испытывает давления прироста населения [Boserup, 1973]. Немалый вклад в развитие идеи внесли разработчики понятий “ресурсное проклятие” и “голландская болезнь”, доказав факт неблагоприятного влияния на экономику изобилия ресурсов [Гуриев, Сонин, 2008].

**Гипотеза.** На основании этих и других теоретических положений мы предположили, что стесненность в ресурсах традиционной аграрной экономики – необходимый, но не достаточный фактор модернизации. В силу естественного сопротивления структурным изменениям всякое общество трансформируется в сторону усложнения и интенсификации ровно настолько, насколько это необходимо. Необходимость же определяется в первую очередь наличием и состоянием ресурсов, служащих удовлетворению базовых потребностей. Под интенсификацией понимается развитие общества за счет внутренней трансформации без привлечения новых ресурсов: существенного увеличения посевных площадей, массивованного экспорта сырья и т.п. Трансформация, если она имеет место, происходит по двум направлениям – технологическому (совершенствование технологий, рост производительности труда) и социально-экономическому (развитие общественных отношений). Разумеется, эти утверждения потребовали подкрепления данными эмпирических наук. Здесь представлено исследование зависимости исторической динамики от наличия и состояния ресурсов в странах Азии и Северной Африки. Рассматриваются основные ресурсы традиционной аграрной экономики: посевные площади и их потенциалы (земли, которые используются или могут быть использованы как посевные), а также сопутствующие им природно-климатические условия. Их анализ и оценка осуществляются в приложении к динамике численности населения исследуемых стран в период позднего средневековья и нового времени. Этот период позднего средневековья и нового времени показателен для выявления механизма трансформации: именно тогда происходит столкновение восточных стран с Западом, и логично подвести итог развитию Востока до того, как Запад оказал на него существенное воздействие. И именно тогда обнаруживается разница в темпах трансформации, приведшая к их неравноправному глобальному взаимодействию – колониализму. Мы постарались по возможности дать оценку восточному региону по сравнению с первичным автохтонным очагом индустриального общества – Западной Европой, а также оценить и сравнить между собой отдельные страны и регионы Востока.

**Трудности исследования.** Первое затруднение связано с отсутствием надежных данных о численности населения, количестве и качестве посевных площадей. По средневековью их почти нет, по новому времени они сбивчивы и противоречивы. Заметим, теория демографических циклов не применялась к странам Востока периода древности и средневековья именно по этой причине; по этой же причине имеющееся исследование [Нефедов, 2003] построено на косвенных данных. Последние в силу высказанных ниже соображений не доказывают неопровержимо факты перенаселения и истощения ресурсов в странах Востока в те отдаленные эпохи. Мы вынуждены признать, что эффективное применение методов теоретической истории возможно только с момента появления на Востоке статистических данных, т.е. с середины XX в.

Затрудняет оценку состояния ресурсов и другое обстоятельство. В процессе приватизации – периодически повторяющегося на Востоке роста частного землевладения – крестьяне массами теряли землю. Этот социально-экономический процесс внутреннего перераспределения отнюдь не всегда связан с нехваткой посевных площадей. Хотя зачастую (Китай, Вьетнам) они могут совпадать по времени, прямых доказательств их взаимосвязи не существует. Можно лишь предположить, что концентрация земельной собственности в частных руках и сокращение государственного и общинного землевладения как массовое явление есть интенсификация, ответ общества на вызов стесненности. Действительно, земля, находящаяся в частной собственности, обычно эксплуатируется эффективнее, что сопровождается технологическим развитием и ростом урожайности. Однако поскольку эта взаимосвязь гипотетическая, нельзя считать приватизацию признаком стесненности, хотя их симптомы – рост безземелья крестьян, массовая пауперизация – совпадают. Следовательно, мы не можем пользоваться этими явлениями для подтверждения факта дефицита ресурсов, а сведения о росте социальной напряженности, крестьянских восстаниях и т.п. не являются неопровержимыми доказательствами аграрного перенаселения.

В период нового времени это затруднение усиливается. Господствующая на Востоке элита пользуется властью и вновь открывшимися перспективами обогащения, что приводит к болезненным отклонениям. Так, в Иране конца XIX в. губернатор Исфахана, которому принадлежало 60% земель провинции, большую их часть засеял хлопчатником и опиумным маком, имевшими большой внешний спрос [История Востока, 2005: 75]. Площадь зерновых культур была резко сокращена, хотя для этого не было ни природных, ни демографических оснований. И такой “экономический волюнтаризм” обнаруживался почти повсеместно. Зачастую он становился единственной причиной нехватки продовольствия и даже голода при благополучном соотношении сельскохозяйственных ресурсов и потребностей населения. Это затрудняет анализ: мы не можем использовать факты голода или нехватки продовольствия как подтверждение перенаселения и аграрной стесненности, т.к. они могут быть рукотворными.

Второе затруднение касается показателей и оценки уровня экономического развития стран Востока в тот или иной период. Здесь мы тоже вынуждены довольствоваться почти исключительно оценочными суждениями, а поскольку четких критериев для фиксации моментов социально-экономической трансформации нет, наши выводы весьма уязвимы. Таковыми их делает опора на субъективные оценки ряда историков: они редко осуществляли широкие сопоставления, сосредоточиваясь на изучении отдельных стран.

Особую проблему представляет колониальное воздействие. Начиная с периода промышленного переворота, Запад активно влияет на социально-экономическую и политическую динамику Востока, втягивая его в мировой рынок. Начинает меняться экономическая структура восточных стран, они начинают производить (добывать или выращивать) и продавать то, что не является необходимым продуктом существования аграрной цивилизации. Делается это теперь ради прибыли, а привнесенный европейцами коммерческий опыт способствует ускорению трансформации традиционной экономики. Это делает сопоставление неправомерным, поскольку перед нами уже не традиционное азиатское хозяйство с простым воспроизводством необходимого продукта, а по ряду параметров капиталистическое, целью которого является прибыль.

В конце XIX – начале XX в. колонизаторы активно воздействуют на состояние и эффективность экономики Востока техническими и финансовыми вливаниями. Пример ряда стран убеждает, что применение технологий, научной и инженерной мысли Запада увеличивало производительность традиционного восточного земледелия. Особенно показательно финансовое вмешательство. Так, общая сумма частных инвестиций французов во Вьетнам только за 1924–1929 гг. составила 3814,4 млн. фр., причем львиная доля была направлена в сельское хозяйство [История Востока, 2006: 453]. Это также делает сопоставление неправомерным: никаких инвестиций в традиционное земледелие никогда ранее не существовало, правители восточных стран

рассматривали главный источник своего богатства как источник исключительно самовосполняющийся.

Иначе говоря, в новое время Восток как лаборатория по выявлению искомого механизма трансформации теряет “чистоту” вследствие внешнего воздействия. И если нас интересует чистый механизм трансформации аграрного общества в индустриальное, следует обратить внимание на ситуацию до XIX столетия, когда влияние Запада на Восток носит поверхностный характер. Но в то же время мы видим, что в большинстве восточных стран решительная трансформация выпадает именно на XIX – начало XX в.

**Восток и Запад на рубеже нового времени.** Многочисленные сравнения природно-климатических и географических условий Запада и Востока пока не дали однозначного ответа на вопрос, где эти условия лучше. С некоторым креном в пользу Востока складывается ситуация, когда в одной связке сопрягаются плюсы и минусы хозяйственной деятельности, а также имеется множество компенсирующих факторов. Так, на Востоке в целом более теплый и стабильный климат, много выше урожайность сельскохозяйственных культур и диких растений, их калорийность. Но здесь более сухой климат, в аридной зоне вода является огромной ценностью, необходимо регулирование ее потребления, ограничивающее возможности земледелия. В связи с этим на Востоке неизбежны большие трудовые и материальные затраты на ирригацию, но более теплый климат, разнообразие растительной пищи и ее богатство витаминами снижают расходы на одежду, обогрев, жилье. Огромные пространства азиатского континента дают больше потенциальных посевных площадей и возможностей присваивающих форм хозяйства, но способствуют изоляции восточных обществ.

Очевидно, что дать однозначный ответ на поставленный вопрос не просто, но бесспорно другое – в условиях Востока больше стабилизирующих, чем дестабилизирующих экономику и общество факторов. Если добавить патриархальный уклад, традиционализм, коллективизм, общину и деспотию, можно получить распространенный и, наверное, наиболее близкий к истине ответ на вопрос о причинах замедления здесь трансформационных процессов. Однако больше всего Восток отличается от Запада количеством ресурсов, что подтверждается длительным сохранением экстенсивных форм экономики. Специалисты подчеркивают, что до конца средневековья развитие производительных сил восточных стран осуществлялось вширь за счет “аграрной экспансии”, внедрения в оборот новых земель. Данные по хозяйственной истории Турции, Индии, Китая, Ирана и других стран подтверждают факт неуклонного расширения посевных площадей как минимум до XVI в. Исследователи констатируют, что наличие больших массивов неосвоенных земель и в более позднее время было здесь причиной преимущественно экстенсивного развития земледелия, и это не способствовало росту производительных сил [История Востока, 2002: 628]. Описывая положение стран Востока в указанный период, историки подчеркивают, что в условиях, когда население немногочисленно, проблемы нехватки земли практически нет [История Востока, 2000: 246].

Сказанное не означает, что во всех странах Востока ситуация так благополучна. Особое положение занимает Япония, обнаружившая скорее западноевропейские, нежели типичные для азиатских континентальных стран темпы развития и исчерпания ресурсов, и Ближний Восток – некоторые районы аридной зоны, где в период средневековья посевные площади не росли, а сокращались в результате хозяйственной деятельности людей и изменения климата.

Демографическая ситуация в конце средневековья подтверждает вышеприведенное мнение. На рубеже нового времени Восток был наиболее населенной частью мира: в 1500 г. в странах Азии и Северной Африки проживало около 288 млн. человек, или 68% населения Земли [История Востока, 2000: 28; McEvedy, 1978]. Но общая плотность населения была незначительной. При общей площади Азии и Северной Африки в 52,8 млн. кв. км средняя плотность населения здесь составляла тогда 5,4 чел. на кв. км. Сравнение показывает серьезное отставание Запада по общей

численности и темпам роста населения [История Востока, 2000: 29], однако по плотности населения Западная Европа значительно опережала Восток. При площади в 3,5 млн. кв. км и численности населения 68 млн. чел. средняя плотность в XVI в. здесь составляла около 19,2 чел. на кв. км. Результат этого сравнения дает основания сомневаться в том, что когда-либо в предыдущие периоды население Востока в целом превышало наличные аграрные ресурсы. Обратим внимание: необратимая трансформация в центре автохтонного капитализма – Западной Европе – начинается на рубеже XI – XII вв. с отметки 10–15 чел. на кв. км. Именно этот показатель мы называем “критическим” или “показателем трансформации”.

Несопоставим с западным был на Востоке и уровень удовлетворения потребностей. Положение “народных масс”, по мнению отечественных историков-востоковедов, в этот период было “достаточно стабильным”. “На рубеже нового времени Восток был наиболее богатой частью мира... Здесь были наиболее плодородные почвы, дававшие сравнительно высокие урожаи” [История Востока, 2000: 28]. В большинстве стран Востока в XVI в. наблюдался экономический подъем, хотя и понимаемый в логике расширения аграрной государственно-дистрибутивной экономики, а не ее трансформации в индустриальный тип. По сравнению с Западом Восток в целом был лучше обеспечен продовольствием, особенно хлебом, причем есть сведения о конкретных регионах. Например, подсечно-огневая система земледелия в Таиланде обеспечивала плотность населения до 40 чел. на кв. км. [Ребрикова, 1977: 82; Judd, 1964], а в Западной Европе раннего средневековья примитивные системы земледелия могли прокормить на 1 кв. км не более 10 членов общины [История Европы, 1992: 39]. Мнение о сравнительном продовольственном благополучии Востока подтверждают свидетельства современников. Так, великий визирь турецкого султана хвалился перед австрийским посланником тем, что только одна провинция Порты – Верхняя Месопотамия – производит зерна больше и лучшего качества, чем все немецкие земли германского императора. В Алжире хлеба было больше, и стоил он в 4–5 раз дешевле, чем в Испании эпохи Филиппа II. Крестьяне балканских провинций Османской империи в XVI–XVII вв. жили лучше крестьян сопредельных стран Запада. В Индии средняя урожайность пшеницы составляла 12,6 ц с гектара, ячменя – 13,1 ц, а в Западной Европе – 7–8 ц с гектара [История Востока, 2000: 28].

Описываемая ситуация относится к XV–XVI вв., но в XVII в. положение меняется. Восток вступает в период кризиса, политического (большинство его государств в этот период находятся в состоянии ослабления, распада) и экономического. В XVII – XVIII вв. в большинстве стран Востока наблюдается упадок совокупного производства на душу населения (в Китае на 6%, в Индии – на 11%), в то время как в Европе – рост душевого дохода на 20, в Японии – на 26% [История Востока, 2000: 22; Мельянцева, 1996]. Однако в конце средневековья общая ситуация с ресурсами, условиями и состоянием экономики выглядит не в пользу Запада.

**Ресурсы и развитие в отдельных странах и регионах Востока.** В данной части исследования Восток представлен пятнадцатью странами и регионами (табл. 1, 2, 3). Размер публикации не позволяет привести полный анализ, проводившийся на основе обработки большого массива литературы по социально-экономической истории отдельных стран. Оценка производилась с учетом всех доступных мнений, нередко противоположных. Здесь выявились новые трудности, связанные с расхождениями оценок специалистов, а также с природно-климатическим и хозяйственно-историческим разнообразием региона. Особенно проблемным является Ближний Восток, страны аридной зоны, где земледелие возможно только при искусственном орошении, которое, в свою очередь, зависело от экономической и политической ситуации в регионе. Недостаток средств на оросительные сооружения и отсутствие политической воли делали бесполезными обилие потенциальных посевных площадей и благоприятный в целом климат. Однако и это, полагаем, не делает задачу невыполнимой. На основании имеющихся фактов и мнений составлены обобщающие таблицы. В таблице 1 представлены оценки состояния ресурсов, в таблице 2 – результатов трансформации.

В обоих случаях используется пять оценок, за каждой из которых стоят свои показатели. Заметим, при отрывочности сведений, наличии разночтений и субъективности оценок историков нельзя считать абсолютным ни один из них.

*В состоянии ресурсов (табл. 1):*

Отсутствие аграрной стесненности (–): низкая (до 10 чел. на кв. км) плотность населения; отсутствие указаний на земельный голод даже в отдельных районах страны, региона (Иран, Афганистан, Средняя Азия, Казахстан, Монголия, Лаос).

Относительная аграрная стесненность (–+): указания на нехватку земли (воды) в важнейших земледельческих районах страны/региона при невысокой общей плотности населения и наличии свободных земель; высокая плотность населения в отдельных, наиболее плодородных районах, либо общий рост численности населения, при котором плотность превышает “критическую” отметку 10–15 чел. на кв. км (некоторые районы арабского Востока, Бирма, Камбоджа, Таиланд, Малайский архипелаг).

Значительная аграрная стесненность (+): указания на явное и устойчивое аграрное перенаселение и нехватку земли, высокая (более 10–15 чел. на кв. км) плотность населения при наличии значительных резервов и компенсирующих факторов (Вьетнам).

Всеобщая аграрная стесненность (++) : нехватка земли в связи с ростом численности населения обнаруживается еще в период средневековья; подтверждаемая источниками и оценками специалистов острота проблемы; ситуация, при которой рост посевных площадей не компенсирует рост населения; превышающая критическую отметку средняя плотность населения страны; территориальное сжатие (Турция, Китай, Корея, Индия).

Критическая аграрная стесненность (+++) : нехватка земли в связи с ростом населения обнаруживается до позднего средневековья; неуклонно нарастающая численность и прохождение критической отметки плотности населения в период раннего средневековья; подтверждаемая источниками и оценками специалистов острота проблемы; отсутствие резервов и существенного роста посевных площадей в дальнейшем (Япония).

Куда большую сложность составляет задача формализации данных социально-экономического развития (табл. 2): зафиксировать момент качественных изменений в экономике и обществе не просто. Здесь мы вынуждены в большей мере опираться на субъективные мнения и оценки специалистов.

*Полное отсутствие трансформации (–):* отсутствие существенных сдвигов в социально-экономическом развитии в форме предпосылок капитализма (увеличения рыночной ориентации ремесла, отчетливого и устойчивого роста городов и развития торговли, укрепления частной собственности) у местного населения даже после начала колониальной экспансии (Афганистан, Средняя Азия, Казахстан, Монголия, Лаос).

*Относительная трансформация (–+):* отдельные сдвиги в социально-экономическом развитии, возникновение элементов нового уклада в колониальный период – под влиянием внешнего фактора; начало политической трансформации в форме буржуазно-демократического движения или незавершенной революции (арабские страны, Иран, Бирма, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам, Малайя).

*Значительная трансформация (+):* существенные сдвиги в социально-экономическом развитии и предпосылки капитализма на момент массированного влияния европейцев; начало формирования капиталистического уклада в экономике в XIX в.; политическая трансформация в форме буржуазно-демократического движения или незавершенной революции (Китай, Корея).

*Всеобщая трансформация (++):* предпосылки капитализма до начала XIX в., закрепление капиталистического уклада в экономике к середине XX в., завершение революции и установление конституционной формы правления в начале – первой половине XX в. (Турция, Индия).

*Необратимая трансформация (+++):* сдвиги в социально-экономическом развитии и предпосылки капитализма в период позднего средневековья; закрепление капи-

Таблица 1

## Оценка состояния ресурсов традиционной аграрной экономики в странах Востока в период средневековья и нового времени

Страна/ регион	Время фиксации недостатка земель	Характер дефицита земельных ресурсов (эпизодический, значительный, массовый)	Общая плотность населения (низкая, средняя, высокая)	Значительные компенсирующие факторы, существенный рост посевных площадей после указаний на стесненность	Значительное уменьшение ресурсов, сжатие подконтрольных территорий	Степень дефицита ресурсов
Арабские страны	XVII, XIX, нач. XX в.	эпизодический	От низкой к средней	Есть	Нет	-+
Турция	XVI в.	массовый	От средней к высокой	нет	Есть	++
Иран	Не обнаруживается	-	Низкая	-	Нет	-
Афганистан	Не обнаруживается	-	Низкая	-	Нет	-
Средняя Азия, Казахстан, Монголия	Не обнаруживается	-	Низкая	-	Нет	-
Индия	XVIII в.	массовый	высокая	нет	Нет	++
Китай	XVIII в.	массовый	От средней к высокой	нет	Нет	++
Корея	XVI в.	значительный	От средней к высокой	нет	Нет	++
Япония	средневековые	массовый	высокая	нет	Нет	+++
Бирма	начало XX в.	эпизодический	От низкой к высокой	есть	Нет	-+
Лаос	Не обнаруживается	-	Низкая	-	Нет	-
Камбоджа	начало XX в.	эпизодический	От низкой к средней	есть	Нет	-+
Таиланд	Не обнаруживается	-	От низкой к высокой	есть	Нет	-+
Вьетнам	XVIII в.	значительный	высокая	есть	Нет	+
Малайский архипелаг	конец XIX в.	эпизодический	Низкая	есть	Нет	-+

## Оценка результатов трансформации экономики и общества в странах Востока за период средневековья и нового времени

Страна/ регион	Указания на существенные сдвиги в социально- экономическом развитии до начала XIX в.	Их характер (спорадический, значительный, массовый)	Начало формирования капиталистического уклада в экономике до середины XX в.	Итоги политической трансформации в первой половине XX в. (буржуазно- демократическое движение, революция, уверенное конституционное правление)	Результаты трансформации
Арабские страны	конец средневековья	спорадический	Первая половина XX в.	Буржуазно- демократическое движение	—+
Турция	XVI – XVII вв.	массовый	Первая треть XIX в.	Уверенное конституционное правление	++
Иран	отсутствуют	—	Первая половина XIX в.	Революция	—+
Афганистан	отсутствуют	—	отсутствует	Отсутствуют	—
Средняя Азия, Казахстан, Монголия	отсутствуют	—	отсутствует	Отсутствуют	—
Индия	XVIII в.	значительный	Начало XIX в.	Уверенное конституционное правление	++
Китай	XVII в.	значительный	Начало XIX в.	Революция	+
Корея	XVIII в.	значительный	Начало XIX в.	Буржуазно- демократическое движение	+
Япония	XIV–XVI вв.	массовый	XVI–XVII вв.	Уверенное конституционное правление	+++
Бирма	отсутствуют	—	конец XIX – начало XX в.	Буржуазно- демократическое движение	—+
Лаос	отсутствуют	—	отсутствует	Отсутствуют	—
Камбоджа	отсутствуют	—	Первая половина XX в.	Отсутствуют	—+
Тайланд	XVIII в.	спорадический	конец XIX в.	Буржуазно- демократическое движение	—+
Вьетнам	конец средневековья	значительный	XIX в.	Буржуазно- демократическое движение	—+
Малайский архипелаг	конец средневековья	спорадический	Первая половина XX в.	Буржуазно- демократическое движение	—+



**Сопоставление степени дефицита ресурсов и результатов трансформации стран Востока  
в период средневековья и нового времени**

Страна/регион	Степень дефицита ресурсов	Результаты трансформации
Арабские страны	—+	—+
Турция	++	++
Иран	—	—+
Афганистан	—	—
Средняя Азия, Казахстан, Монголия	—	—
Индия	++	++
Китай	++	+
Корея	++	+
Япония	+++	+++
Бирма	—+	—+
Лаос	—	—
Камбоджа	—+	—+
Таиланд	—+	—+
Вьетнам	+	—+
Малайский архипелаг	—+	—+

талистического уклада в экономике с выходом на мировой уровень промышленного производства до конца XIX в., установление конституционной формы правления в XIX в. (Япония).

Итоги представлены в таблице 3. Даже если вышеуказанные оценки небесспорны и имеют погрешности (они неизбежны при столь значительном влиянии субъективных мнений и разночтений), явного противоречия с выдвинутым предположением не обнаруживается. В указанный период в обозначенном регионе не существует стран, не имеющих устойчивого дефицита ресурсов традиционной аграрной экономики и показывающих уверенную трансформацию.

Стран, испытывающих такую трансформацию, в этот период только три – Турция, Индия и Япония, и все они претерпевают давний и острый дефицит посевных площадей. Особое место занимает Япония, которая показывает почти идентичную с Западной Европой демографическую и социально-экономическую динамику. Значительные результаты развития показывают Китай и Корея (близок к ним Вьетнам, но мы дали ему более низкую оценку), и они также имеют проблему аграрной стесненности высокой степени по нашей шкале.

Наиболее распространенная оценка результатов трансформации – относительная (арабские страны, Иран, Бирма, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам, Малайя), но и вызов в большинстве случаев здесь относительный. Исключение составляют Иран, не испытывавший в обозначенный период никакой заметной стесненности, и Вьетнам – единственная страна, которой мы дали оценку “значительная стесненность”. Однако полагаем, ни тот, ни другой опровержением гипотезы не являются (см. ниже).

И, наконец, страны с низкими результатами трансформации – Афганистан, Средняя Азия, Казахстан, Монголия и Лаос – не имеют никакой стесненности.

Разумеется, таблица 3 не показывает полного соответствия. Его и не может быть в силу влияния большого количества факторов, и главного из них – колониального. Здесь наибольший интерес представляет Иран. Сегодня нет оснований сомневаться в том, что колониализм искажил развитие восточных стран, в чем-то его ускорил, а в чем-то задержал. Тот факт, что до начала влияния европейцев на экономику и общество Ирана там отсутствовали заметные сдвиги в социально-экономическом развитии, равно как и последующая незавершенность революции и периодические срывы в XX в., говорят о том, что его развитие было инициировано извне и представляло собой вялотекущую модернизацию, характерную для большинства восточных стран.

Не работает искомая закономерность в обратную сторону. Как показывают случаи Вьетнама, Китая и Кореи, стесненность не гарантирует соответствующих результатов модернизации. Оценка степени вызова со стороны ресурсов здесь оказалась выше, чем результаты трансформации. Впрочем, их могло не быть вовсе, это ничего не меняет, т.к. мы доказываем лишь одно: стесненность в ресурсах традиционной аграрной экономики – необходимый, но не достаточный фактор модернизации.

**Объяснение аномалий и заключение.** Итак, особого внимания требует внешний фактор, порождающий сдвиги в развитии даже без внутренних побуждений. Этот фактор представлен в нашем случае колониальным воздействием: его последствия сложны и многогранны и представляют собой большую проблему. Распространенный подход к ее решению – деление последствий колониальной эксплуатации на положительные и отрицательные для развития восточных обществ – малоэффективен, т.к. в каждом положительном влиянии можно обнаружить негативные последствия и наоборот. Так, преодоление изоляции ускорило трансформацию восточных стран, но раннее вовлечение в мировой рынок, до того, как здесь сложилось развитое индустриальное производство, привело к тому, что они заняли на нем подчиненное положение. И таких примеров множество. Исследование ресурсных и территориальных факторов модернизации в колониальный период открывает новые грани этой проблемы с множеством неоднозначных для Востока последствий.

Например, нельзя не признать, что львиная доля прибыли и произведенного продукта из стран Востока вывозилась. И эта колониальная эксплуатация накладывалась на местное производство и потребление. Следовательно, совокупная нагрузка на ресурсы восточных стран после начала колонизации резко увеличилась, хотя это увеличение сложно, а скорее даже невозможно отразить в каких-либо показателях.

С другой стороны, финансовые вливания колонизаторов – обратное движение капитала в “период империализма”, как и прибыли, полученные восточными странами с продажи сырья и ресурсов, отчасти перенаправлялись в аграрный сектор, способствуя увеличению посевных площадей за счет их более технологичной обработки и расширения ирригации. А это продлевало существование экстенсивной экономической стратегии, тем более, если в ходе этой извне инициированной “модернизации” не происходило социально-экономической трансформации, а крупное товарное производство осуществлялось на базе традиционной системы отношений.

Из этого можно сделать далеко идущие выводы. В результате втягивания в мировой рынок и продажи на нем того, что раньше не имело большого значения, восточные страны получили новый источник существования, порой не меньший, чем традиционное земледелие. В последующем эта тенденция нарастает, с одной стороны, принося прибыли колониям и, казалось бы, способствуя их модернизации, с другой – создавая экономическую и социальную ловушку. Экономическая состоит в зависимости от мирового рынка, когда изменение конъюнктуры отражается на состоянии экономики и общества восточных стран (особенно показателен мировой экономический кризис 1929 г., приведший в ряде случаев к катастрофическим последствиям). Социальная ловушка состоит в том, что беспрецедентный рост товарного производства (плантационное хозяйство, добыча полезных ископаемых) дадут обществам Востока (вернее, их части) баснословные прибыли. Эти прибыли предоставят восточному, не завершившему свою модернизацию обществу замену традиционной аграрной экономики и сведут к нулю стимулы реальной внутренней трансформации.

В то же время в большинстве стран Востока в указанный период не обнаруживается вызова со стороны дефицита ресурсов. В новое время Восток в целом либо не испытывает (Иран, Афганистан, Средняя Азия, Казахстан, Монголия, Лаос), либо только начинает испытывать аграрную стесненность (арабские страны, Бирма, Таиланд, Камбоджа, Малайский архипелаг). Эти страны, имеющие большие территории, располагают потенциалом расширения посевных площадей, и в этом их коренное отличие от автохтонного центра раннего капитализма. Даже при неблагоприятной ситуации с ресурсами здесь есть пространства для колонизации, снятия демографиче-

ской нагрузки. И открывается еще одно обстоятельство: увеличение посевных площадей у них возможно при всяком новом финансовом вливании и/или технологическом обновлении. Технологический прогресс становится средством увеличения земельных ресурсов, а расширение посевных площадей, наблюдающееся до второй половины XX в., “работает” против интенсификации.

Таким образом, и наличие потенциалов, и новый источник доходов ведут к замедленной, внешне инициированной трансформации. Модернизация если и происходит, то под влиянием внешнего воздействия. Для нее характерны кратковременные подъемы экономики, иногда впечатляющие (до середины XX в. – Таиланд, Бирма, Вьетнам и др.), но необратимой трансформацией они не являются, поскольку медленно или совсем не меняется социальная структура. И в этом смысле данную ловушку следует назвать “социально-исторической”: большинство стран не миновали в обозначенный период необратимую фазу трансформации, а их кратковременные подъемы были отсрочкой истории.

Определяющая черта такой трансформации состоит в отсутствии главного признака реального модернизационного процесса – интенсификации, что выражается в неуклонно нарастающем вовлечении в оборот новых ресурсов. После втягивания этих стран в мировой рынок это далеко уже не только посевные площади: в XX в. значимость сельского хозяйства снижается, на первый план выходит добыча полезных ископаемых.

Сопутствующими чертами данного типа трансформации являются медленный, как правило, инициированный извне, технический прогресс, хроническое технологическое отставание от передовых стран, общая экономическая слабость и высокая зависимость от мирового рынка. Это ведёт к повторяющимся попыткам власти подстегнуть развитие, прибегнуть к мобилизационным стратегиям, как правило, репрессивным. На деле эти попытки будут означать контрмодернизацию – откаты назад, восстановление рудиментов “азиатского способа производства” (ряд стран арабского Востока, Иран, Бирма, Вьетнам, Камбоджа).

Сказанное не означает, что причина таких откатов состоит исключительно в отсутствии внутреннего вызова. Напротив, сам этот вызов чаще порождает откат: в XX в. из стран, испытывающих вызов стесненности, его переживут Северная Корея, Вьетнам и Китай, причем последний, если верить демографической теории, переживал его в своей истории неоднократно. Для понимания происходящего важно еще одно обстоятельство. В ситуации аграрного перенаселения интенсификация – последний из вариантов развития событий, наиболее редкая стратегия как ответ на вызов стесненности. Как правило, подсказывает история восточных обществ, применяются иные стратегии: миграция, социальный взрыв снизу или государственный террор сверху, и даже такая стратегия, как убийство новорожденных детей. Это – первое, что происходит в результате кризиса стесненности. Интенсификация производства и социальных отношений, требующая сверхусилий и жертв со стороны общества, происходит в последнюю очередь. Именно поэтому, хотя успешная модернизация исторически закономерна, для ее наступления нужен ряд других обстоятельств. А дефицит ресурсов традиционной аграрной экономики является ее необходимым, но не достаточным условием. Без него страну ждет происходящая под влиянием исключительно внешне-го фактора трансформация, которую мы и называем валютотекущей модернизацией.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуриев С., Сонин К. Экономика “ресурсного проклятия”// Вопросы экономики, 2008. № 4.  
История Востока: В 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.): Кн. 2. М.: Вост. лит., 2005.  
История Востока: В 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945): М.: Вост. лит., 2006.  
История Востока: В 6 т. Т. 2: Восток в средние века. М.: Вост. лит., 2002.  
История Востока: В 6 т. Т. 3: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2000.

- История Европы: с древнейших времен до наших дней. В 8 т. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992.
- Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1–3. М.: Изд-во Солдатенкова, 1898 [1900, 1903].
- Ковалевский М.М. Экономический строй России // Ковалевский М.М. Избранные труды. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. 2010: 392–572.
- Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: МГУ, 1996.
- Нефедов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток. 2003. № 3.
- Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: УГГУ, 2005.
- Ребрикова Н.В. Таиланд. Социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
- Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. Т. 2. Жизнь населений. М.: Прогресс, 1977.
- Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine, 1973.
- Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: Univ. of California Press. 1991.
- Judd L.C. Dry Rice Agriculture in Northern Thailand // Data paper No. 52. Ithaca, New York: Cornell Univ. Department of Asian Studies, Southeast Asia program, 1964.
- McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. New York: Facts on File, 1978.
- Turchin P. Long-term Population Cycles in Human Societies // Year in Ecology and Conservation Biology. Ann. N.Y. Acad. Sci. 1162. 2009.

© 2014 г.

**ДЖ. БРУЭР**

## **ВООБРАЖАЯ “СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ”. БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КЛАССИЧЕСКОГО ТРУДА<sup>1</sup>**

---

*БРУЭР Джон – профессор социологии Абердинского университета (Англия).*

---

**Аннотация.** Рассматривается биографический контекст написания Ч.Р. Миллсом книги “Социологическое воображение”. Показаны пересечения биографии и социологии в творчестве Ч.Р. Миллса, считавшего одной из задач этой науки оказание помощи простым людям в подходах к решению проблем их повседневной жизни.

**Ключевые слова:** Ч. Райт Миллс • социологическое воображение • биография

“Социологическое воображение” Чарльза Райта Миллса (1959) – один из классических манифестов социологии. Члены Международной социологической ассоциации оценили эту книгу как вторую по популярности среди социологических трудов XX века (после “Хозяйства и общества” М. Вебера); она переведена на 17 языков и многократно переиздавалась. Дензин [Denzin, 1990] вернулся в 1988 г. к понятию социологического воображения в Президентском докладе Социологической ассоциации

---

<sup>1</sup> Brewer J.D. Imagining *The Sociological Imagination*: the biographical context of a sociological classic // British Journal of Sociology. Vol. 55, 2004. Pp. 317–333. (<http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=imagining%20sociological%20imagination&source=web> – дата обращения 27.12.2012)